

Роман Сергеевич Бевзенко
 профессор РШЧП, партнер «Пепеляев Групп»,
 кандидат юридических наук

Эффект залога из ареста в банкротстве собственника арестованной вещи

Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
 ВС РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279¹

1. Вопрос о природе и последствиях ареста имущества должника по обязательственному требованию его кредитора вызвал довольно бурную дискуссию в современной юридической литературе². Не отстают и юридическая блогосфера³. По всей видимости, новелла п. 5 ст. 334 ГК РФ, распространившая нормы о правах залогодер-

¹ Я признателен своим коллегам по работе в ВАС РФ за весьма плодотворные, хотя и иногда находившиеся на грани вежливости многочасовые дискуссии о природе арестного залога в целом и его приоритете в деле о банкротстве. Эти дискуссии укрепили меня в мысли о том, что такой приоритет должен существовать. Я, разумеется, признаю право на существование и иного мнения, хотя и считаю его глубоко ошибочным.

² См.: *Бевзенко Р.С.* Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 8–50; *Костко В.С.* Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 51–75; *Аксенов И.А.* Арест имущества должника в исполнительном производстве: сущность, теоретико-правовые и организационные проблемы // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3. С. 43–64; *Тереженко Т.А., Ганюшин О.Е.* «Арестантский залог»: отдельные вопросы правоприменения // Закон. 2016. № 3. С. 71–78; *Егоров А.В.* Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 9. С. 84–103.

³ Я хотел бы выделить в первую очередь рассуждения П. Семенцова о догматических и политико-правовых основаниях эффекта арестного залога в деле о банкротстве собственника арестованной вещи (см.: *Семенцов П.* Призываю Верховный суд РФ сохранить залоговые права из ареста (п. 5 ст. 334 ГК РФ) в банкротстве. Часть первая. В защиту доводов «за» // Закон.ру. 2017. 2 февр. URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/02/prizyvayu_verhovnyj_sud_rf_sohranit_zalogovye_prava_iz_aresta_p5_st334_gk_rf_v_bankrotstvechast_perv; Часть вторая. К критике догматических доводов «против» // Закон.ру. 2017. 10 февр. URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/10/prizyvayu_verhovnyj_sud_rf_sohranit_zalogovye_prava_iz_aresta_p5_st334_gk_rf_v_bankrotstvechast_vtor; Часть третья. К критике политико-правовых и иных доводов «против» // Закон.ру. 2017. 14 февр. URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/14/prizyvayu_verhovnyj_sud_rf_sohranit_zalogovye_prava_iz_aresta_p5_st334_gk_rf_v_bankrotstvechast_tret).

жателя на права лица, чьи требования к должнику были обеспечены арестом, стала настолько неожиданной и необычной для российских юристов, что догматическая обработка нормы (с учетом сравнительного и историко-правового контекста) породила целый спектр мнений относительно ее содержания и последствий.

2. Итак, базовая ситуация, в которой можно обсуждать применение п. 5 ст. 334 ГК РФ, такова. Некто *A* должен по денежному обязательству лицу *B* денежную сумму, причем долг *A* перед *B* ничем не обеспечен. По ходатайству *B* суд, рассматривающий иск *B* к *A*, наложил арест на некоторое имущество *A*. Впоследствии *A* продал это имущество *C*. Спрашивается:
 - а) действительна ли сделка между *A* и *C*?
 - б) перешло ли право собственности на имущество к *C*?
 - в) может ли *B* предъявить к *C* какое-либо требование, основанное на акте ареста имущества?
3. Долгое время российская практика исходила из того, что арест лишает собственника имущества права распоряжаться им и потому распорядительные действия собственника по продаже арестованного имущества ничтожны по ст. 168 ГК РФ. Соответственно, лицо, добившееся обеспечительного ареста, имеет право требовать применения реституции между собственником и приобретателем и после ее осуществления вправе обратиться с иском о взыскании на имущество, возвратившееся к собственнику. Такой подход был несвободен от ряда трудностей, в первую очередь процедурного характера. Так, в частности, истцу (кредитору), выигравшему дело о реституции, было крайне тяжело добиться реального исполнения этого судебного акта. Например, присуждение по реституции осуществлялось не в его пользу, хотя истцом, требующим этого присуждения, являлся именно он; кроме того, от суда требовалось также обеспечить двусторонний характер реституции, хотя второй ответчик — приобретатель арестованной вещи, мог и не заявлять требования о реституции. Судебная практика, впрочем, зачастую примитивизировала проблему, просто обязывая передать арестованное имущество от приобретателя взыскателю.
4. Однако после реформы норм о недействительности сделок применение этого подхода (основанного на идее о ничтожности сделки, совершенной с нарушением ареста) столкнулось с серьезным затруднением в виде нового положения п. 3 ст. 166 ГК РФ о том, что предъявить требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может лишь сторона по сделке либо лицо, прямо названное в законе в качестве уполномоченного на такой иск. Очевидно, что кредитор, в чью пользу был установлен арест, не является стороной сделки по продаже арестованного имущества; он также нигде не назван в законе как лицо, уполномоченное на предъявление иска о применении последствий недействительности сделки. Следовательно, с 01.09.2013 этот путь защиты интересов взыскателя — оспаривание сделок, совершенных с нарушением ареста, оказался закрыт. Однако потребности практики требовали найти какое-то решение для защиты кредитора.
5. Оно было найдено в интерпретации ареста как обременения имущества, установленного в пользу кредитора и всюду следующего за арестованным имуществом.

В самом деле, при аресте вещи происходит обособление некоторого имущества из имущественной массы должника, которое как бы предназначается кредитору для его, кредитора, удовлетворения. Это очень похоже на залог, правда, устанавливаемый не в силу предписания закона или положения договора, а по решению суда.

6. Один из важнейших признаков залога — это следование залога за вещь, ценность которой служит кредитору для удовлетворения его требований. Пункт 2 ст. 174.1 ГК РФ вводит именно эту конструкцию для последствий продажи имущества, арестованного по обязательственному иску. ВС РФ в п. 94 постановления от 23.06.2015 № 25 (далее — постановление № 25) разъяснил, что «делка, совершенная в нарушение запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного судом или судебным приставом-исполнителем, в том числе в целях возможного обращения взыскания на такое имущество, является действительной. Ее совершение не препятствует кредитору или иному управомоченному лицу в реализации прав, обеспечиваемых запретом, в частности, посредством подачи иска об обращении взыскания на такое имущество». При этом Суд прямо указал, что это обращение взыскания будет происходить по правилам о залоге. Идея, согласно которой арест имущества должника порождает залоговое право, характерна для многих правопорядков и признается в актах унификации частного права (например, ст. IX.-4:107 *DCFR*).
7. В п. 5 ст. 334 ГК РФ сделана ссылка на ст. 174.1 ГК РФ, регулиющую в рамках п. 2 этой статьи последствия отчуждения арестованного имущества, что может породить мнение о том, будто залог в силу ареста возникает только при таком отчуждении. Этот подход неверен и не разделяется Пленумом ВС РФ (п. 94 постановления № 25). Ссылка на ст. 174.1 ГК РФ сделана для указания на то, что далее в п. 5 ст. 334 ГК РФ речь идет о том же запрете на распоряжение, установленном уполномоченными органами, о котором говорит и п. 2 ст. 174.1 ГК РФ.
8. В чем польза идеи законодателя признать действительным отчуждение арестованной вещи приобретателю, но считать, что в результате ареста возникает залог, и, следовательно, при отчуждении вещи из-под ареста она переходит в собственность приобретателя, который знал или должен был знать об аресте вещи, обремененной залогом? Квалификация требований кредитора, по которым был наложен арест, как залоговых позволяет решить застарелую проблему конкуренции залогового и незалогового кредиторов и проблему возможности ареста предмета залога по незалоговому требованию. До последнего времени такой арест фактически не допускался, что было связано с иным пониманием эффекта ареста (ничтожность всего того, что сделано вопреки аресту), ведь такой арест блокировал бы реализацию заложенной вещи по требованию залогодержателя. Однако если законодатель признает, что арест — это своеобразный «судебный залог», то нет никаких препятствий для того, чтобы арестовывать уже заложенную вещь по требованию иного кредитора.
9. Это очень важно с практической точки зрения в силу того, что размер долга, обеспеченного залогом, может быть к моменту подачи иска к должнику незалоговым кредитором значительно меньше стоимости залога. Залоговая интерпретация ареста позволяет судам беспрепятственно арестовывать по требованию незалоговых кредиторов предмет залога. Например, в случае ареста заложенной вещи

по иску незалоговых кредиторов арест будет последующим залогом, обладатель которого может в случае неисполнения по долгу, обеспеченному старшим залогом и обращением старшим залогодержателем взыскания на предмет залога, присоединиться к старшему залоговому кредитору в процедуре обращения взыскания и реализации имущества. Если этого не произошло, младший залог (в том числе, видимо, и судебный) должен прекратиться, так как младший залоговый кредитор не может умалять требований старшего. А такое умаление произойдет, если допустить, что младший залог (в данном случае — судебный) сохранится и будет «обременять» продаваемое старшим залогодержателем имущество, снижая его продажную стоимость.

10. Судебная практика (п. 94 постановления № 25) также признала возможность стечения прав залогодержателей в силу договора, закона и ареста. В то же время следует отметить, что полноценная реализация идеи такого стечения в форме допущения ареста по требованию иных кредиторов заложенного имущества несколько усложняется в связи с тем, что в п. 31 ст. 79 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» содержится прямой запрет наложения ареста на заложенное имущество должника. Эта норма появилась в Законе до вступления в силу комментируемой статьи, и, видимо, было бы логично ее отменить. Залоговая интерпретация ареста также позволяет должнику отдавать в залог третьим лицам арестованное имущество, что может оказаться очень разумным шагом в ситуации, когда арестованная вещь стоит значительно больше объема требования, по которому был наложен арест. В данном случае кредитор, по чьему требованию был установлен арест, будет считаться старшим залогодержателем, а тот залогодержатель, который приобретает право залога на арестованное имущество впоследствии, — младшим.
11. И наконец, применение п. 5 ст. 334 ГК РФ позволяет теперь накладывать арест на имущество, которое ранее было арестовано по требованию другого кредитора, с применением к таким кредиторам правил о старшинстве залогов. Иначе говоря, залоговая теория позволяет максимально эффективно использовать ценность имущества должника как в качестве объекта притязаний незалоговых кредиторов, так и в качестве инструмента привлечения обеспеченных кредитов.
12. Однако ключевой элемент правового режима залога — это приоритет. Возникает такой вопрос: что будет с кредитором, в чью пользу наложен арест, если должник либо приобретатель арестованного имущества впадет в банкротство? Следует ли считать, что такой кредитор имеет приоритет, аналогичный залоговому, при банкротстве должника или приобретателя предмета ареста?
13. Одна из интерпретаций состоит в том, что для реализации основной описанной выше идеи, во имя которой вводилась залоговая теория ареста (максимально эффективное извлечение ценности имущества), нет никакой необходимости развивать залоговую теорию настолько далеко, чтобы такой залог в силу ареста давал кредитору еще и приоритет при банкротстве. Соответственно, при этом подходе банкротство должника или приобретателя предмета ареста должно влечь прекращение залога. Логика такой позиции следующая. Основным аргументом в пользу признания допустимости ухудшения положения всех иных кредиторов залогодателя в результате заключения залогодателем договора залога с одним из кредито-

ров является то, что залог позволяет обеспечить привлечение должником более дешевого кредита. Сама возможность кредитования под низкий процент, открытая теоретически всем участникам оборота, крайне важна для развития экономики, и, соответственно, законодатель во имя этой экономической цели признает допустимой такое несправедливое на первый взгляд отступление от принципа равенства кредиторов при банкротстве.

14. Но в случае с залогом в силу ареста это политико-правовое обоснование залога не работает, так как при заключении договора ни один из кредиторов не может быть уверен, что он сможет арестовать имущество должника раньше других кредиторов и что у должника в принципе будет что арестовывать. Соответственно, на снижение ставки наличие туманной перспективы получить приоритет, если удастся арестовать какое-либо ликвидное имущество должника, сказываться не будет, а следовательно, в данном случае несправедливость залога как отступления от принципа равенства кредиторов при банкротстве не компенсируется серьезными экономическими преимуществами. Значит, при таком толковании залог, введенный на основании ареста, должен прекращаться при банкротстве должника, чье имущество было арестовано. Однако следует признать, что такая интерпретация лишает залог в силу ареста ключевого и конституирующего элемента правового режима залога, а именно приоритета.
15. Другая интерпретация делает акцент на том, что в законе не вводится никаких оговорок на этот счет и речь идет о возникновении полноценного залога, который в силу общих норм о залоге обладает характеристикой приоритета. Соответственно, если это залог, то банкротство должника или приобретателя предмета ареста не прекращает залог и кредитор сохраняет приоритет и статус залогового кредитора в деле о банкротстве.
16. Думается, что вторая интерпретация является более логичной, как минимум с формальной точки зрения. С политико-правовой позиции обоснование этого вывода может быть таким: право защищает активных, тех, кто первыми добивается лучшего обеспечения своих требований за счет имущества должника или третьего лица. Таковыми являются кредитор, первым заключивший договор залога, и кредитор, первым добившийся наложения ареста на имущество должника.
17. Впрочем, надо признать, что далеко не всегда тот кредитор, который добился ареста, в чем-либо превосходит иных кредиторов, такого ареста не добившихся, поскольку последние могли не подавать иски просто в силу того, что сроки погашения долгов по их требованиям еще не наступили. Но, судя по всему, отечественное право этот нюанс считает непринципиальным.
18. Какие стимулы создает предоставление залогового приоритета (в том числе в рамках дела о банкротстве) кредитору, по требованию которого суд или пристав наложил арест на имущество должника? С одной стороны, если добившийся ареста кредитор впоследствии узнает, что у должника есть признаки неплатежеспособности, он может не торопиться инициировать возбуждение дела о его банкротстве (ибо у него есть надежное залоговое обеспечение). Иначе говоря, это в ряде случаев может давать должнику передышку и возможность восстановить свое финансовое положение.

19. С другой стороны, предоставление такого преимущества, как приоритет при банкротстве должника, стимулирует кредиторов как можно скорее инициировать иски о взыскании долга и прикладывать максимальные усилия для ареста активов должника, так как от того, кто первый арестует какой-либо его ключевой актив, зависят перспективы получения удовлетворения в рамках дела о банкротстве должника, если таковое будет впоследствии возбуждено. С учетом российских реалий применения законодательства о банкротстве, де-факто исключаящих получение незалоговыми кредиторами чего-либо в ходе конкурсного производства, тот кредитор, кто успел арестовать активы должника первым, имеет все возможности получить удовлетворение в рамках дела о банкротстве, остальные же незалоговые кредиторы, не успевшие добиться ареста (например, в силу того, что их требования к должнику еще не созрели), какие-либо шансы на удовлетворение своих требований теряют.

Кроме того, тот, кто добился ареста имущества должника-банкрота, возможно, тем самым сохранит часть стоимости этого имущества и для других кредиторов (в случае если стоимость этого имущества будет больше, чем сумма долга перед таким кредитором), ведь арест, по сути, блокирует возможность должника распродать свои активы в преддверии банкротства. И еще один довод: арестный залог позволяет защитить недобровольных кредиторов банкрота: если арест, наложенный по их требованиям, будет иметь приоритет в рамках дела о банкротстве, они получают хотя бы какую-нибудь защиту; если же его не будет, недобровольные кредиторы будут наравне с добровольными (договорными) кредиторами участвовать в конкурсе. Но это ведь явно несправедливо, так как добровольные кредиторы осознанно принимали риск банкротства будущего должника и потому должны нести его в большей мере, чем недобровольные (деликтные) кредиторы.

20. Судебная практика по вопросу о том, признавать или не признавать кредитора, добившегося ареста, залоговым кредитором при банкротстве собственника арестованной вещи, два года колебалась. В итоге вопрос был передан на разрешение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ⁴ (далее — Коллегия).
21. К сожалению, Коллегия не поддержала идею о том, что кредитор, добившийся ареста, имеет залоговый приоритет в рамках дела о банкротстве собственника арестованной вещи. В поддержку своей позиции Коллегия выдвинула следующие аргументы:
- а) наделение кредитора правами залогодержателя по правилам п. 5 ст. 334 ГК обусловлено необходимостью защиты его прав прежде всего путем предоставления возможности обратиться с иском о взыскании на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете (закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью);
 - б) законодатель лишь приравнял права взыскателя к правам залогодержателя, не указав на то, что в связи с введением запрета на распоряжение имуществом возникает полноценный залог;

⁴ Докладчик по делу — судья И.В. Разумов.

- в) из буквального смысла п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога;
- г) Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест;
- д) правоотношения, связанные с банкротством, основаны на принципе равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), что, в свою очередь, не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от формальных (процедурных) критериев, не связанных с ее материальной правовой природой (в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста);
- е) запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.
22. Увы, ни один из этих аргументов не является убедительным. Проанализируем их по порядку.
23. В аргументе «а» нарушены, как мне кажется, правила элементарной формальной логики. Тот факт, что залоговая интерпретация права кредитора, добившегося ареста имущества должника, сложилась на почве стремления защитить кредитора от распоряжения арестованным имуществом, не означает, что иные полезные качества залога — залоговый приоритет — автоматически должны быть отброшены. Если согласиться с этим аргументом судьи Верховного Суда, то, например, нам вообще следует отказаться от идеи о том, что юридическое лицо может быть собственником некоторого имущества. Зачем ему это? Ведь цель создания конструкции юридического лица заключалась в ограничении ответственности учредителей по долгам своего бизнеса. Так пусть учредители и будут собственниками того, что было приобретено в ходе предпринимательской деятельности юридического лица; но это имущество и будет составлять ту имущественную массу, которая отвечает перед кредиторами. Но ведь юридическая доктрина не занималась акцентированием внимания на отдельных произвольно выбранных особенностях конструкции юридического лица и создала довольно последовательное учение о юридическом лице: оно позволяет ограничить ответственность учредителей по долгам, но при этом рассматривается как лицо, т.е. обладает правоспособностью, может являться нормальным собственником имущества.
24. Так же и с залогом из ареста. Тот факт, что он возник в рамках решения одной из правовых проблем, не означает, что на него не надо смотреть комплексно: залог обладает не только эффектом следования, но и эффектом приоритета, они существуют одновременно и залог немислим без одного из этих эффектов.

25. Аргумент «б» также не выдерживает критики. Тот факт, что законодатель приравнял (почему-то судьи Верховного Суда говорят «лишь приравнял») права кредитора к правам залогодержателя, с точки зрения юридической логики как раз и означает, что эти права являются по своему существу залоговыми. В гражданском праве существует достаточное количество примеров такого приравнивания, но никому не приходит в голову утверждать, что сам по себе факт приравнивания одного правового явления к другому означает возможность суда произвольно интерпретировать содержание второго. Например, в соответствии со ст. 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе. Однако вряд ли кому-то придет в голову отрицать тот факт, что животные являются имуществом, потому что законодатель «лишь приравнял» животных к имуществу.
26. Аргумент «в» также бьет мимо цели. Пункт 5 ст. 334 ГК говорит о том, что из существа отношений залога правоприменитель может сделать вывод о том, что арест не наделяет кредитора правами залогодержателя. В первую очередь хотел бы напомнить, что «существо отношений залога» не может предполагать отсутствие приоритета. Залог — это и есть приоритет; я бы очень хотел посмотреть на юриста, который сможет доказать, что из «существа залога» следует, что к правам кредитора, чьи требования обеспечены арестом, не применяются правила о приоритете.
27. Тогда о чем же эта норма про «существо отношений залога»? Как она применяется к арестному залогу? Есть достаточное количество норм о правах залогодержателя, которые вследствие существа подлинного залога не применяются к аресту. Например, норма о праве залогодержателя требовать, чтобы залогодатель застраховал предмет залога. Странно было бы согласиться с тем, что истец, добившийся ареста имущества ответчика, сможет требовать, чтобы тот застраховал арестованное.
28. Аргумент «г», в котором говорится, что Закон о банкротстве не содержит правил о том, что кредитор, добившийся ареста, может претендовать на приоритетное получение исполнения в рамках дела о банкротстве, особенно слаб. Конструкции Закона о банкротстве были подготовлены в ситуации, когда действовала прежняя трактовка последствий ареста, поэтому данный Закон просто не может содержать таких норм. С другой стороны, они ему и не нужны, так как в нем есть правила о порядке удовлетворения требований залогового кредитора из стоимости обремененной вещи. Эти правила и подлежат, на мой взгляд, применению к арестному залогу.
29. Аргумент «д» о том, что все кредиторы в банкротстве равны, на первый взгляд хорош. Однако в действительности это не совсем так. Законодатель осознанно ранжирует кредиторов, выстраивая их в очереди, создавая те или иные квоты (например, самая известная — это 70- или 80%-ная квота залогодержателя в отношении денег, вырученных от продажи предмета залога). Строго говоря, это и есть лучшее опровержение тезиса о мнимом равенстве всех кредиторов.
30. Что же касается аргумента об индивидуальном характере актов о наложении арестов, то, боюсь, он также совсем не должный. Любой судебный акт индивидуален хотя бы в силу того, что в каждом из них могут быть разные обстоятельства дела. Например, в одном деле в отношении залогодержателя суд снизил неустойку по ст. 333 ГК, а в другом — отказался. Но в рамках дела о банкротстве никому же

не придет отрицать право таких залогодержателей получить эти неустойки из стоимости заложенного имущества со ссылкой на индивидуальность применения ст. 333 ГК РФ.

31. Наконец, аргумент «е» также несостоятелен. Ограничение распоряжения имуществом, называемое арестом, как раз порождает такое залоговое свойство, как приоритет, ровно потому, что законодатель прямо приравнивал арест к залому.
32. В целом же по прочтении определения у меня сложилось чувство, что судья Верховного Суда, докладывавший это дело, просто не согласен с законодателем, который наделил залоговым приоритетом кредитора, добившегося ареста. Ему, по всей видимости, такое законодательное решение кажется несправедливым и неправильным. Разумеется, это право судьи — оценивать законодательные нормы тем или иным образом. Но при этом надо не забывать, что это все-таки действующий закон, и как бы к нему ни относиться, суд должен быть им связан. В конце концов, если судья Верховного Суда полагает, что закон нарушает какие-то фундаментальные правовые принципы, являющиеся основополагающими для нашего правопорядка, он вполне мог бы обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд. Однако, как видно, этого не произошло, и путем некоторого набора неубедительных (на мой взгляд) рассуждений Судом фактически была низвергнута действующая законодательная норма. Это очень скользкая дорожка в оценке судьями законодательных новелл: сегодня одному судье не нравится норма о залоговом приоритете ареста; завтра другому не понравятся правила об управлении в непубличных обществах и он признает ничтожными соответствующие положения уставов; послезавтра третий судья решит, что нормы о заверениях об обстоятельствах и возмещении потерь — это чушь, глупость и нелепица, и он де-факто дезавуирует их.
33. Я был бы лицемером, если бы сказал, что такое толкование судом закона (именуемое толкованием *contra legem*) невозможно⁵. Оно возможно и, более того, даже иногда желательно, но только тогда, когда ниспровергаемый судом закон (а) настолько старый и не адекватный сложившейся новой реальности, что (б) буквальное его применение привело бы к крайне несправедливым решениям. В случае с залогом из ареста я не вижу ни старого закона, ни крайней неадекватности нормы существующей реальности, которая знает и признает возможность одного кредитора быть сильнее другого кредитора при банкротстве должника. Поэтому игнорирование эффекта приоритета ареста, который с теми или иными оговорками известен всем современным лидирующим правопорядкам, просто отбросило Россию на юридические задворки мира, откуда она стала выбираться в последнее время (по крайней мере в сфере частного права). Я очень надеюсь, что такое исключительно субъективное и неудачное решение Верховного Суда в сфере залогового права будет через какое-то время преодолено путем внесения изменений в Закон о банкротстве.

⁵ Так, например, ликвидированный Высший Арбитражный Суд несколько раз подобное толкование продемонстрировал (например, толкование крайне неудачного и несправедливого п. 3 ст. 428 ГК РФ).